

Аннотация. Неоспоримо, что отдельные слова и фразеологизмы имеют разную семантическую значимость и выполняют различные дискурсивные и контекстно-стилистические функции. С этой точки зрения выделяются *слова-факты, слова-события, слова-явления*. Под *словами-фактами* понимаются такие, денотативная сущность которых не зависит от контекста. Слово, по наблюдениям многих лингвистов, отечественных и зарубежных, является центральной единицей языковой системы. Об этом свидетельствует и название главной лингвистической работы В.В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)». Именно в ней он приводит такое высказывание Ф. де Соссюра: «Слово есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка». В статье речь идет не о новой категории «Факт», анализируемой Ю.С. Степановым, а о тех номинациях, денотаты которых выражают существующие или существовавшие реалии, ощущаемые органами чувств. Таковыми и являются анализируемые ключевые слова военной лексики: *воин, воитель, ратник*.

Исследование проводится на материале текстов «Национального корпуса русского языка». Три названных слова представлены в нем в 889 документах, 1292 вхождениях. Слова *воитель* и *ратник*, маркируемые в словарях как устаревшие, довольно часто употребляются и в поэзии советского периода. *Воин*, слово активного словарного запаса, еще в начале XIX века конкурирует с лексемой *воитель* в поэзии С.А. Ширинского- Шихматова, Пушкина, Тютчева, Некрасова, Языкова. В поэзии XX века большинство употреблений слова-факта *воитель*, в отличие от XIX в., используются во множественном числе и относятся к безымянным участникам войн. Традиционно приложение *воитель* в поэзии XIX–XX веков характеризует Искандера – Александра Македонского.

Надо иметь в виду, что *слово – факт* в зависимости от ситуации может выступать как *слово – событие* и как *слово-явление*. Но в статье не рассматриваются разграничительные признаки, по которым квалифицируются данные употребления.

Ключевые слова: слово-факт; русская поэзия; синонимы; воитель; воин; ратник; слово.

Из неоспоримого положения, заключающегося в том, что отдельные слова и фразеологизмы, производимые говорящим или употребленные в тексте и воспринимаемые адресатом (слушающим, читающим), наделены неодинаковой семантической значимостью, выполняют различные дискурсивные и контекстно-стилистические функции, напрашивается вопрос: что это за слова и какими признаками они отличаются друг от друга. В этом ряду нами выделяются: 1) слова и фразеологизмы-факты, 2) слова и фразеологизмы-события, 3) слова и фразеологизмы-явления. В статье мы рассмотрим только слова-факты.

Насколько нам известно, именно в таком аспекте к исследованию данной научной проблемы лингвисты не подходили, вернее обозначенная нами проблема растворялась во множестве других, так или иначе соприкасающихся с ней. Отсюда: суть научной проблемы – выявить принципиальные особенности слов-фактов, на этом основании рассмотреть группу слов-фактов военного содержания, употребляющихся в русской поэзии XIX – XX веков, и определить их конструктивные и дискурсивные потенции.

Слово находится в центре внимания лингвистов, занимающихся как собственно лингвистическими проблемами, так и смежных с лингвистикой наук. Но до настоящего времени нет общепринятой дефиниции слова. Самая возможность проявления приемлемой для большинства лингвистов дефиниция слова, представляется, по крайней мере сейчас, сомнительной [1].

Слово, по утверждению Н.Ю. Шведовой, – самая сложная единица языка, оно является центральной единицей языковой системы [2]. А еще раньше В.В. Виноградов в монографии «Русский язык. Грамматическое учение о слове» приводит такие слова Соссюра: «Слово есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка» [3]. Объемный перечень признаков слова, многократно отмечаемый лингвистами, Н.Ю. Шведова дополняет «еще одним – и очень важным пунктом: слово в системе языка и в акте сообщения находится в состоянии постоянно активной работы.

...Работа слова осуществляется как реализация двух заключенных в нем потенциалов: ...*центрального и центробежного*» [2]. Суждения цитируемого автора можно дополнить: многое сказанное о слове относится и к фразеологизму.

В статье важно выяснить, в каких именно направлениях происходит работа «военного» слова, в результате чего рождаются соответствующие конструкции. В статье речь идет не о новой категории «Факт», историю возникновения и понимания которой, а заодно и события, анализирует Ю.С. Степанов. Он приходит к выводу, что «факт есть пропозиция, истинная в рамках одного данного текста, который представляет собой особый случай употребления некоторого языка, особый «подязык», или дискурс» [4]. Но не исключено, что *слово* как центральная единица языка, независимо от пропозиции или дискурса, может быть фактичным. В свое время В.В. Виноградов в одной из неопубликованных при жизни статей обратился к истории употребления слов «факт», «событие», «явление» в русском языке, попытался осмыслить их точное научное содержание. С этой целью он приводит довольно большой контекст со словом «факт» из «Дневника старого врача» Н.И. Пирогова. Близки нашему пониманию «слово-факт» такие суждения великого ученого: «Что такое факт? Если держаться буквально смысла, то это то, что сделано. В этом смысле факт должен быть чувственным» [5]. Но чувственным может быть не каждый денотат слова, а лишь тот, который существует реально, физически и ощущается органами чувств. Таковыми являются конкретные реалии – существительные и обозначаемые ими признаки, действия, состояния, количества. Сразу отметим, что *слова-события* и *слова-явления*, в отличие от слов-фактов, не могут обладать всем перечисленным набором свойств. В рукописи своей статьи Виноградов, не отождествляя значения рассматриваемых особенностей языковых единиц, в то же время вполне справедливо считает, что *слово-факт*, *слово-событие*, *слово-явление* имеют, если так можно выразиться, свои измерения. Поэтому *событие* – это не любое, а «важное явление» и «крупный факт». Думается, что наше понимание *слова-факта*, представленного

в статье, можно расценивать как дальнейшее развитие учения Виноградова о слове.

Термин «факт» в нашем употреблении близок к значению 'Реальность, действительность, то, что объективно существует' (БАС) [6].

Так как под термином «слово-факт» мы понимаем в основном денотативную сущность слова, которая не зависит от контекста, можно определить ряды слов, принадлежащих к той или иной лексико-семантической группе (ЛСГ), обладающих свойством *слова-факта*.

В статье рассматривается одна ЛСГ «Номинации лиц, принимающих участие в военных действиях». Это довольно большая ЛСГ, но мы остановимся только на особенностях функционирования в русской поэзии XVIII – XX веков таких слов-фактов, как *воитель*, *воин*, *ратник*.

Слова-факты в своих прямых значениях используются в основном в качестве распространителей, а не организаторов синтаксических конструкций, а соответственно и дискурса, сила их словесно-синтагматического притяжения невелика. Слова-факты участвуют в образовании только свободных сочетаний.

Наши наблюдения над указанной ЛСГ проводятся на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [7].

Воитель (высок.). В НКРЯ найдено 77 документов, 106 вхождений. Первый документ, фиксирующий употребление слова в XVIII в. (7 употр.), относится к поэме М.М. Хераскова «Россиада» (1771-1779), последний – к стихотворению И.В. Чиннова (1978), т.е. представлены данные за 200 лет. Слово в поэзии XIX в. встречается у А.С. Пушкина в основном в его ранней поэзии с частотностью 15 (в дальнейшем частотность указывается в скобках после фамилии автора), Н.И. Гнедича (2), Ф.И. Тютчева (5), Н.М. Языкова (8), Л.А. Мея (4), всего у 24 поэтов. В поэзии XX в. слово *Воитель* с 1901 по 1978 годы представлено у 22 поэтов. В их числе В.Я. Брюсов (6), М.А. Кузмин (5), Г.В. Иванов (2), С. Есенин (1) и др. На основании этих данных слово-факт *Воитель* можно оценивать как поэтизм.

Для поэзии XIX в. характерна связь слова-факта *Воитель* с конкретным именем. Так, в допушкинской поэзии *Воитель милостью обильной, Который силой свыше сильный Россию в царствах превознес* (С.А. Ширинский-Шихматов. Петр Великий. Песнь четвертая (1810)). У Пушкина *воители* – Кутузов, Гараль, Каверин, Рогдай, князь Олег, у Тютчева – Император Николай I, князь Олег, *воитель славный Пирр* из истории Троянской войны, *воитель дивный Наполеон*, у Н.М. Языкова – Евпатий Коловрат – *воитель свободы*, князь Олег, у Н.А. Некрасова – *гвардейский офицер, Воитель черноокий*, у Н.Ф. Щербины – *Муж – воитель Птолемей!*.. Так как слово-факт *Воитель* характеризует конкретное лицо, оно в этих контекстах употребляется в единственном числе. Значительно реже в поэзии XIX в. *воители* безымянные употребляются во множественном числе. Противоположная картина с употреблением слова-факта *Воитель* наблюдается в поэзии XX в. Большинство употреблений во множественном числе относится к безымянным участникам войн, сражений. Из названных по имени отметим Искандера: *Ты – вольный вихрь, восточных врат воитель, Воловий взор, луны овал, Искандер! Желаний медь, железо воль, воитель, Ты все в мече своем сковал, Искандер* (М.А. Кузмин. «Каких достоин ты похвал, Искандер!..»).

В поэзии М. Кузмина *воитель* Искандер (Александр Македонский) упоминается трижды и один раз – *воитель* Омар в 1914 г., в начале I мировой войны.

Безымянные *воители* в поэзии XX в., борцы за правое дело, наделены высокими человеческими и воинскими качествами:

Но отсюда воители На защиту России ушли... (Т.Л. Щепкина-Куперник. В родной глуши (1915)).

Потомки славных тех воителей Вдали от родины своей Заслужат лавры победителей... (М. Колосова. В броню закована (1920-1937)). *Будет он воитель ярый, Покоритель гор* (Б.А. Садовской. Л. Мартынов (1930)).

Воин. В НКРЯ на это слово представлено 692 документа, 1039 вхождений [7]. Первое вхождение 1725 г., последнее – 1987 г.

Воин, по Далю, - 'служащий в войске, военный, солдат, ратай, ратник'. Далее он дополняет: «Воинами в отечественную войну нашу, называлось особое ополчение, набранное из одних удельных имений Вел. Княгини Екатерины Павловны» [8].

Словари современного русского языка в своих дефинициях не отражают древний характер происхождения и употребления этого слова, актуализируя лишь его современное понимание. В БАС-2 **Воин** – «Боец, солдат, матрос, военнослужащий в войске» [9], в СОШ – «Человек, который служит в армии, воюет, тот, кто сражается с врагом» [10]. А **Воитель** в этих словарях: «Устар. Военачальник; воин» [9]; 1. «То же, что воин, военачальник (стар., высок.)» [10]. Синонимичность данных слов отмечает «Словарь синонимов русского языка»: **Воин**, боец, солдат; вояка (разг. и ирон.), воитель, ратник, ратоборец (уст. высок.); витязь (устар. поэт.) [11]. В Словаре синонимов А.П. Евгеньевой **Воин** как синонимическая доминанта открывает ряд **Воин**, боец, вояка (разг.), где **Воин** – 'участник боев, сражений, военный человек, употребляется преимущественно в приподнятой речи' [12]. В поэтических текстах слова-факты *воин* и *воитель* действительно являются синонимами.

Так, в «Словаре языка Пушкина» **Воитель** – 'Воин' [13].

Но, как показывают материалы НКРЯ, *воитель* активно употребляется и в поэзии XX в., поэтому, по-нашему, нецелесообразно маркировать его признаком «устар.». Вызывает и некоторое сомнение присвоение ему значения 'Военачальник'. Если имеется в виду, что *воителями* в художественной литературе XVIII – XX вв. именовались руководители государств, полководцы, то все-таки, представляется, что в употреблениях актуализировалась не эта сема, а сема 'воин'. Именно поэтому в «Словаре церковнославянского и русского языка» указывается: **Воитель** – 'То же, что воин' [14]. Подтверждением этому служат, например, такие строки В.К. Тредиаковского из «Элегии о смерти Петра Великого» (1725): *Петре! воине сильный! При градах, и во градах, и в поле весь дивный*, А.Д. Кантемира из «Петриды...» (1730): *Друга верна, воина, всех лавров достойна, - Словом, все, что либо звать совершенно можно*. Вообще в литературе классицизма, по данным НКРЯ, Петр I – не *воитель*, а *воин*. В поэме «Руслан и Людмила» (1820) у Пушкина как синонимы выступают: *воитель*, *воин*, *витязь*, *боец*. Каждое из этих слов-фактов применимо к истинным героям-победителям – Руслану и Рогдаю. Фарлаф - ... *крику надменный, В пирах никем не побежденный, Но воин скромный средь мечей...* **Воин** в этой поэме Пушкина употребляется трижды: дважды по отношению к Фарлафу и один раз – к Руслану. ... *Чудесный воин на коне Грозой несется, колет, рубит. То был Руслан. Как божий гром, Наш витязь пал на басурмана...*

В поэзии XX в. **воин**, как и **воитель**, чаще всего безымянный, поэтому слово-факт употребляется или во множественном числе, или в собирательном значении единственного числа:

Воины с винтовками идут, Матери с детишками гуляют (М.А. Светлов. В больнице. 1964.04.12).

И русских воинов отвага / Её от волжских берегов Несла до черных стен реишстага / На жарком теменн ствол... (А.Т. Твардовский. За далью-даль, 14. 1950-1960).

И лежат воины, а на них вороны (С.И. Кирсанов. Два сна. 1960).

Но русский воин сам ступил врагу навстречу... (Г.В. Голохвастов. Под Плевной).

Но вождь народов / воину сказал, Чтоб он ее / из рук не выiscal (Я.В. Смеляков. Наш герб. 1998).

Ратник, как и **воитель**, во всех словарях, характеризуется в 1-м значении 'Устар. Воин'. Наши соображения относительно признака устарелости рассмотренного выше слова-факта *воитель* были изложены выше. Но то же самое относится и к слову-факту **ратник**. Из 120 документов со 177 вхождениями, приведенными в НКРЯ [7], в поэзии XX в. оно употребляется 26 раз у 21 поэта, в поэзии XIX в. – более 100 раз у 30 поэтов и в поэзии XVIII в. – 33 раза у 7 поэтов. Первое употребление, по НКРЯ, относится к М.В. Ломоносову в «Оде на день восшествия на престол... Елизаветы Петровны» (1747), хотя, по БАС, слово **ратник** в значении 'Воин' зафиксировано уже в «Лексиконе» Поликарпова в 1704 г. [15]. Можно предположить, что в поэзии слово закрепилось благодаря Ломоносову. Из поэтов XVIII в. многократно использовал слово-факт **ратник** М.М. Херасков в поэме «Освобожденная Москва» (1798). **Ратник**, как производное от старославянского *рать* (устар. поэт. – «воинство», «войско», «битва», «война»), употребляется в древнерусском и южнославянских языках [16]. В поэзии XVIII – XIX вв. употребление слова в основном связано с освободительными войнами, которые вела Россия, историей становления Русского государства. **Ратник** в русской поэзии – это воин вообще, независимо от его армейского статуса. Так, Пушкин-лицеист, обращаясь к тирану – Наполеону, пишет: *Ты в каждом ратнике узришь богатыря*. Участники войны 1812-1814 годов К.Н. Батюшков и В.А. Жуковский также не различали среди русских воинов служащих регулярной армии и ополченцев. У Батюшкова: *...И грозно в сумраке ночном Чернеют знамена, и ратники, и кони...* (Переход русских войск через Неман 1 января 1813 г.). У Жуковского: *Наши каждый ратник Славянин; Все долгу здесь послушны...* (Певец во стане русских воинов. 1812). Среди воинов было много *молодых и юных*, и эти эпитеты характеризуют ратников в стихах К.Н. Батюшкова, А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского, А.Ф. Мерзлякова, А.А. Шишкова, Н.А. Некрасова. Приведем некоторые из этих стихов.

Услышать барда песнь священну, С Мальвиною вздохнуть на берегу морском О ратнике младом (К.Н. Батюшков. Послание к Н.И. Гнедичу. 1805). Дальний странник – в милой родине! Юный ратник – с мирной пальмою (А.Ф. Мерзляков. Надгробная песнь. 1808). О ратник юноша, счастлив навеки ты... (К.Н. Батюшков. 1808-1809). Как юный ратник, вихрь и дождь, И труд он делит с нами (В.А. Жуковский. Певец во стане русских воинов 1812). На часах стоит печален Юный ратник... (Е.А. Баратынский. Русская песня. 1821). ...И битвой дышит ратник юный (А.А. Шишков. Ротчеву. 1827). На юных ратников завистливо взирали, Ловили с жадностью мы брани [дальний] звук... (А.С. Пушкин. Воспоминания в Царском Селе. 1829).

Конечно, слово-факт **ратник** использовалось не только в стихотворениях, посвященных военной истории России. Оно встречается у разных поэтов при обращении к античной и древневосточной тематике, в переводной поэзии. В своем прямом значении слово-факт **ратник** всегда имеет положительную оценочность. Эта оценочность сохраняется и в таких сочетаниях как «*божский ратник*» (Некрасов), *небесные ратники* (К.К. Случевский), *ратники новья веры* (А.Н. Майков), *светлый ратник Божьих сил* (В.А. Жуковский) и др. В поэзии XX в. поэтическая традиция XIX в. при употреблении слова-факта **ратник** сохранялась, и его употребление чаще выходит за пределы военной тематики. Оно употребляется как зоометафора (ворон, петух у А.С. Бухова, А.И. Введенского) и растительная метафора.

Наши выводы о том, что слово-факт в предложениях выступает в основном в словосочетании подтверждаю

и данные «Русского ассоциативного словаря» [17]. На стимул **Воин** в нем приводятся такие реакции: *интернационалист* (5), *советский* (4), *красный, сильный* (3), *доблестный, звездный* и др. (1). Ни одна из реакций не является предложением. И лишь в одной: *В поле один* – аллюзия крылатого выражения *И один в поле воин*.

Перспектива настоящего исследования заключается в том, что слова-события и слова-явления диалектичны, т.е. одно и то же слово может быть в одном контексте словом-событием, в другом – словом-явлением. Возьмем слова *победитель* и *победа*. Первое – это *слово-факт*, по-нашему, в любом контексте.

«*Победитель – победил, Слава падшего свяtee!*» [18] Второе же может быть как словом-событием, так и словом-явлением. В таких контекстах в поэзии Ф.И. Тютчева **Победа** выступает как явление: *... Смерть или победа!* (Песнь скандинавских воинов <из Гердера>). *...русское Знамя к бессмертной победе тебя привело* (Знамя и слово) [15]. Здесь **Победа** – 'Успех в бою, войне; полное достижение поставленной цели' [19]. А победа как событие, которое, по Ч. Филлмору, может состоять 'из некоторого количества подсобытий', например, боев, сражений, в свою очередь выступает как событие наивысшего порядка и не может быть частью какого-либо более крупного события [20].

Бесспорно, что и устойчивое сочетание *День Победы* – фразеологическое явление. А в строке: *Мы победу приближали, как могли, победа – слово-событие*.

В этой статье мы не ставили задачу выяснить разграничительные признаки, по которым квалифицируются названные употребления. Но ясно, что это комплекс признаков, который и будет определен в процессе дальнейшей работы над темой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., «Наука». 1973. С. 35
2. Шведова Н.Ю. Лексическая система языка. Слово. Его описание в словаре // Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные работы. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 375-376.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с. С. 15.
4. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. РАН. М., 1995. С. 35-73.
5. Виноградов В.В. История слов. РАН. М., 1999. С. 713. 1138 с.
6. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 16. М.-Л., 1964.
7. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс: <http://search.ruscorpora.ru> (дата обращения 23.09.2014).
8. Владимир Даль Толковый словарь: В 4 Т. Изд. второе. Т.1. М., 1955. С. 230
9. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 2. М.-Л., 1951. С. 592-595.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М., 1997. С. 93.
11. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов. Под ред. Л.А. Чешко. Изд. четвертое. М., 1975. С. 73.
12. Словарь синонимов русского языка. В двух томах. Т. 1. Л., 1970. С. 154.
13. Словарь языка Пушкина: В четырёх томах. Т.1. М., 1956. С. 335
14. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. В двух томах. Репринтное издание. Книга 1. А.-Н. Изд. Санкт-Петербургского университета. 2001. С. 133.
15. Словарь современного русского литературного

языка. В 17 т. Т. 12. М.–Л., 1961. С. 1021.

16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В двух томах. Т. II. М., 1999. С. 100.

17. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, И.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Астрель, 2002. 784 с. С. 103-104.

18. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л. 1987. С. 172

19. Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск: РИО БГУ, 2009. 962 с. С.5 25.

20. Звезгинцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск X. М., «Прогресс», 1981. С. 29

THE WORD-FACT IN RUSSIAN POETIC MILITARY VOCABULARY

© 2015

A.L. Golovanevsky, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian language
Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, Bryansk (Russia)

Abstract. It is indisputable that individual words and phraseological units have different semantic significance and perform various discursive and context-stylistic functions. From this point of view they differ words-facts, words-events, words-phenomena. Words-facts are such words the denotative nature of which doesn't depend on the context. A word is the central unit of the language system according to the observations of many domestic and foreign linguists. The title of the main linguistic work of V.V. Vinogradov "Russian language (Grammatical doctrine of the word)" is evidence of that. It is there he gives such a statement by Ferdinand de Saussure: "A word is a unit, relentlessly appearing in our mind, something central in the whole mechanism of language." The article is not about a new category of "Fact", analyzed by Y.S. Stepanov, but about those nominations, which denotations express existing or existed realities perceived by the organs of sense. And the same are analyzed key-words of military vocabulary: soldier, fighter, warrior.

The study is carried out on the material of the National Corpus of Russian Language. These three words are represented there in 889 documents, 1292 occurrences. Words fighter and warrior as obsolete are rarely used in the poetry of the Soviet period. Soldier, a word of active vocabulary, in the early XIX century competes with the lexeme fighter in the poetry of S.A. Shirinsky-Shikhmatov, Pushkin, Tiutchev, Nekrasov, Yazikov. In the poetry of the XX century, the majority of applications of the word-fact fighter, unlike the XIX century, are used in the plural, and refer to the nameless participants of wars. Traditionally the application fighter in the poetry of XIX-XX centuries characterizes Iskander - Alexander the Great.

It should be kept in mind that a word-fact can act as a word-event and as a word-occurrence depending on the situation. But the article does not consider the demarcation signs that serve to the classification of the given applications.

Keywords: word; word-fact; Russian poetry; synonyms; a fighter; a soldier; a warrior.

УДК 372.8

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕКСТОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

© 2015

Л.Н. Горобец, доктор педагогических наук, профессор кафедры отечественной филологии и журналистики
И.В. Лайкова, учитель русского языка и литературы, аспирант кафедры отечественной филологии и журналистики

Армавирская государственная педагогическая академия, Армавир (Россия)

Аннотация. Статья посвящена одной из важнейших проблем современной методики преподавания русского языка – проблеме работы с текстом и над текстом на уроке, его целостного восприятия и понимания, то есть активного/ эффективного/ смыслового чтения. Обосновывается введение в методический словарь современного учителя русского языка нового дидактического понятия – «образовательные текстовые технологии», под которыми понимаются наиболее эффективные способы и приемы работы с текстами разных жанров и стилей, формирующие умения адекватно воспринимать, интерпретировать и оценивать готовые тексты, а также создавать собственные. Поиск наиболее продуктивных форм, методов, приемов и технологий обучения и в науке, и в практике продолжается постоянно. Он проходит в нескольких направлениях: активизации ранее известных (например, технология работы со словарями) и создания новых (например, технология концептного анализа, лингвокультурологической характеристики текста, проектно-текстовая технология, гипертекстовая технология и др.). В данной статье раскрываются сущность и особенности нескольких эффективных современных образовательных текстовых технологий: риторизация, концептуальный анализ слова и технология развития критического мышления через чтение и письмо. Авторами особо подчеркивается, что только сочетание традиционных и современных технологий позволяет вовлекать учащихся в различные виды деятельности: мыслительную, коммуникативную, научную, творческую и другие, что не только поддерживает внимание обучающихся на высоком уровне, снижает утомляемость и перенапряжение, повышает познавательный интерес, но и формирует весь спектр универсальных учебных действий учащихся, расширяет их представления о мире, формирует мировоззрение и личность в целом.

Ключевые слова: текст; текстовые технологии; риторизация; критическое мышление; концепт.

«Человек – это текст», – эти слова Т.М. Дридзе определяют один из векторов современной методики [Дридзе 1994: 8]. И уже неоспоримым является тот факт, что текст – это многоаспектное и полифункциональное явление, и именно он является не только высшей единицей обучения, но и его основой, источником развития и воспитания личности учащегося. Данное утверждение сформулировано как в трудах корифеев

методической науки (Ф.И. Буслаев, Л.И. Поливанов, И.И. Срезневский, В.Я. Стоюнин, К.Д. Ушинский и др.), так и современных ученых (М.Т. Баранов, Н.С. Болотнова, А.Д. Дейкина, Н.А. Ипполитова, Т.А. Ладыженская, Е.И. Никитина и др.). Сегодня же мы наблюдаем некий парадокс: с одной стороны, уникальные возможности текста в учебном процессе осознаны и общепризнаны как учеными-методистами,